
Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина

НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА К БИОГРАФИИ
ИСТОРИКА ГЕОРГИЯ КАТКОВА (1903–1985)

Мы встретились в университетском Оксфорде, в одном из местных очаровательных кафе 12 августа 2009 г. К месту встречи наша 70-летняя гостья подъехала на велосипеде. Таня, Танауа Жоусе, дочь русско-британского историка и философа Георгия Михайловича Каткова (1903–1985), согласилась на личное знакомство и небольшое интервью не без удивления и только после того, как услышала в названии пригласившей ее организации знакомое имя — Александр Солженицын. Оно оказалось паролем для англичанки, никогда не бывавшей в России и продолжающей относиться с недоверием к стране своих предков. Как выяснилось позже, такое отношение к писателю не было только обычной данью уважения автору всемирно известного «Архипелага ГУЛАГ», но значимой частью семейной памяти Катковых.

Исходно наша встреча была связана с поиском биографических материалов Г.М. Каткова для проекта «Российское научное зарубежье»¹. Автор четырех крупных монографий по российской политической истории конца XIX — начала XX в., изданных на нескольких европейских языках в 1960–70-х гг., хранитель и исследователь архива выдающегося австрийского философа и психолога Франца Brentano (Brentano; 1838–1917), одна из самых значимых и влиятельных фигур российской диаспоры в Великобритании второй половины XX в.², Георгий Катков не занимал высоких академических позиций и многие годы оставался в тени таких выдающихся соотечественников и коллег, как сэр Исая Берлин (Berlin; 1909–1997) и профессор Леонард Шапиро (Schapiro; 1908–1983). Лишь на закате жизни он дал крохотное автобиографическое интервью Майклу Гленни и Норману Стоуну для книги «The Other Russia», собравшей воспоминания представителей трех поколений российской диаспоры³.

Тем не менее, как немногим русским эмигрантам первой волны, Г.М. Каткову посчастливилось увидеть свои книги изданными на русском языке. В 1984 г., еще при

¹ См.: Российское научное зарубежье: Материалы для биобиблиографического словаря / авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. Пилотный вып. 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в. М., 2010. С. 57–58; Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник / сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011. С. 325–326.

² О значительном интеллектуальном влиянии Г.М. Каткова на учеников и коллег неоднократно вспоминал профессор Женевского университета Ж. Нива, слушавший его лекции в Оксфорде (см.: *Нива Ж. Подарок Георгия Георгиевича: жить русским языком // Знамя. 2009. № 2; Он же. Феномен Солженицына // Звезда. 2013. № 9).*

³ *The Other Russia: The Experience of Exile / ed. by M. Glenny, N. Stone. L., 1990. P. 254–255.*

жизни Георгия Михайловича, известное парижское издательство «ИМКА-Пресс» опубликовало в серии «Исследования новейшей русской истории», основанной А.И. Солженицыным, и с его предисловием монографию «Февральская революция». В 1997 и 2002 гг. Русский общественный фонд Александра Солженицына и издательство «Русский путь» выпустили уже непосредственно в России сразу две исторические работы Каткова на русском языке — «Февральская революция» и «Дело Корнилова». Однако фигура их автора по-прежнему остается малоизвестной в России⁴, хотя для образованных читателей его фамилия относится к разряду «говорящих».

Действительно, Георгий Катков был внучатым племянником знаменитого публициста, основателя русской политической журналистики Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887). Его отец — Михаил Мефодиевич Катков (1860–1941) — служил ординарным профессором Университета святого Владимира в Киеве по кафедре римского права, а мать — Екатерина Григорьевна (1866–1927), урожденная Головнина, приходилась племянницей известному либеральному реформатору, министру народного просвещения Александра II А.В. Головнину (1821–1886)⁵. В эмиграции, где семья Катковых⁶ оказалась после нескольких лет хаоса и ужасов революций и Гражданской войны в Киеве, — сначала в Варшаве (Польша), а затем с 1922 г. в Праге (Чехословакия), восемнадцатилетний Георгий пошел по пути, достаточно нетрадиционному для русского беженца. Он окончил Русский юридический факультет в Праге (1922–1926)⁷, где преподавал его отец, а затем учился там же в Немецком университете (1929), где преподавание велось на немецком языке. Основной костяк студентов здесь составляли выходцы из пражской еврейской общины, а также чехи, желавшие учиться на немецком языке. Среди преподавателей были весьма популярны ученики Франца Brentano философ и психолог Кристиан фон Эренфельс (von Ehrenfels; 1859–1932) и философ Оскар Краус (Krauss; 1872–1942), отлично знавшие президента Чехословакии Т.Г. Масарика, также одно время учившегося у Brentano в Вене.

В интервью Майклу Глени, названном «Гость Масарика», Катков немного рассказывал о роли президента Чехословакии в его судьбе: «Масарик проявлял ко мне интерес и давал деньги на мое обучение. Это были его собственные деньги, точнее — деньги, которые он получал от чешского правительства и мог тратить на свое усмотрение. На себя он не брал ничего, он был чрезвычайно скромным. За исключением лошадей — он любил ездить верхом, был чрезвычайно элегантен

⁴ Даже в новейшей энциклопедии «Общественная мысль Русского зарубежья» не указана дата его рождения, а также неправильно приводятся сведения об эмиграции и образовании (М., 2009. С. 335–336, авт. А.А. Федоренко).

⁵ Интересно, что именно М.Н. Катков сыграл важную роль в отставке А.В. Головнина с поста министра народного просвещения в 1866 г., см.: *Головнин А.В. Записки для немногих.* СПб., 2004. С. 20.

⁶ Родной брат Г.М. Кирилл Михайлович Катков (1905–1995) стал известным художником, иконописцем и реставратором. Он учился в Карловом университете и Академии художеств в Праге, посещал заседания Семинария академиков Н.П. Кондакова. Автор более 60 икон для иконостаса и клиросных преград церкви Успения Пресвятой Богородицы на Ольшанском кладбище. С 1929 г. жил во Франции. В конце 1930-х гг. уехал в Аргентину, расписывал католические храмы. В 1965 г. переехал в США. Выполнял работы для музея Н.К. Рериха в Нью-Йорке. Расписал синодальную церковь в Монреале (Канада), консультировал работы по росписи православной церкви в Ново-Дивеево под Нью-Йорком.

⁷ См.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 392 (личное дело студента).

на лошади, прямо величественный... Русских он не любил, но помогал им, потому что русские помогали чешским беженцам...»⁸

Между тем благодаря протекции Т.Г. Масарика и ректора Немецкого университета О. Крауса молодой Г.М. Катков стал хранителем и исследователем архива Ф. Брентано при Немецком университете⁹, что сыграло в дальнейшем, в 1939 г., решающую роль при его отъезде в Великобританию¹⁰. В семье Катковых считали, что в условиях начинавшейся германской оккупации Чехословакии, когда новые власти тщательно проверяли благонадежность всех русских эмигрантов, в том числе и наличие у них еврейских родственников, приглашение из Оксфорда фактически спасло жизнь Георгия Михайловича и его невесты Елизаветы Пик-Петерс (1910–1980), еврейки австрийского происхождения. Они поженились уже в Великобритании в декабре 1941 г., за несколько месяцев до рождения старшей дочери, Тани. По ее рассказам, многие считали этот брак странным — белорус и еврейка. Конечно, под «белорусом» имелась в виду не национальность, а «белый» русский, приверженец монархии и Белой армии.

Во время Второй мировой войны и в 1950–1959 гг. Георгий Катков служил на русской службе Би-би-си. Параллельно, в 1947–1950-м, он был лектором по философии в Оксфорде. Хотя Г.М. Катков очень любил преподавание, нельзя сказать, что его философская стезя сложилась удачно. Круг английских философов не очень-то принимал нового коллегу. Возможно, это обстоятельство способствовало тому, что с начала 1950-х гг. он решительно изменил научную специализацию и начал преподавать русскую историю, а также заниматься изучением истории русских революций. В 1956 г. при содействии сэра И. Берлина Г.М. Катков становится адъюнкт-членом Колледжа св. Антония Оксфордского университета, а с 1959-го до отставки в 1975 г. он действительный член Колледжа, член его Совета и университетский лектор по истории советских институций.

Стоит отметить, что Колледж св. Антония по британским меркам был основан совсем недавно — в 1950 г., значительно позже других оксфордских колледжей, объединенных в Оксфордский университет. До сих пор он считается самым космополитичным из них. Его специализация — международные отношения, мировая экономика, политика и история — всегда привлекала специалистов с беженским или эмигрантским прошлым, а значит, со знанием многих языков и страноведческих реалий, и одним из них был Гарольд Шукман (Shukman; 1931–2012), впоследствии известный британский историк-советолог, профессор Колледжа, ныне уже, к сожалению, покойный. Выходец из семьи еврейских эмигрантов, покинувших Россию еще до Первой мировой войны, выпускник университета в Ноттингеме, где он специализировался по русскому языку и литературе, в 1954 г. Шукман стал первым английским студентом, посетившим Советский Союз после начала холодной войны.

⁸ The Other Russia. P. 254.

⁹ Об этой работе сам Г.М. Катков вспоминал в: *Katkov G. The World in Which Brentano Believed He Lived // Grazer Philosophische Studien. 1978. № 5. S. 11–27; см. также: Chisholm R. George Katkov as Philosopher // Ibid. 1985/6. № 25. S. 601–602.*

¹⁰ Об обстоятельствах приезда Г.М. Каткова в Великобританию см. статью Е.Н. Андреевой «Общество защиты науки и знаний в Великобритании и помощь русским ученым-эмигрантам» в наст. изд.

Два года спустя ему доверили переводить бывшего председателя Совета министров СССР, в то время еще члена Президиума ЦК КПСС, Г.М. Маленкова (1902–1988) во время его пребывания в Великобритании. Начав с перевода, в дальнейшем Г. Шукман перенес центр своего исследовательского интереса на историю и переехал в Оксфорд, где стал членом Колледжа св. Антония. Он опубликовал несколько монографий по истории российских революций и сталинизма и перевел на английский язык многие художественные, мемуарные и научные произведения, связанные с историей СССР XX в. («Тяжелый песок» и «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, пьесы Исаака Бабеля и Евгения Шварца, мемуары А.А. Громыко, исследования Д.А. Волгогонова о Сталине, Ленине и Троцком и многие другие)¹¹. В течение десяти лет, с 1981 по 1991 г., профессор Шукман возглавлял Русский центр Колледжа и оставался здесь до выхода на пенсию в 1998 г.

Из этой небольшой справки понятно, что Георгия Каткова и Гарольда Шукмана связывали многие десятилетия сотрудничества, и неудивительно, что, получив наш запрос о поисках биографических материалов и захоронения русского коллеги, профессор Шукман сразу же откликнулся и связал нас с Таней Джойс. В письме к одному из авторов настоящей статьи (Н.Ю. Масоликовой) он тепло вспоминал коллегу:

«Known to Russian speakers as Georgii Mikhailovich and in English as Dr Katkov, or George, Georgii Mikhailovich was already a major presence when I joined St Antony's College, Oxford, as a graduate student in 1958. St Antony's College is one of the four graduates-only colleges of the University, and is organised on the basis of Area Studies — African, Chinese, Indian, International Relations, Japanese, Latin American, Middle Eastern, Russian, concentrating on history, politics and economics — with no “hard sciences” or Arts subjects. The exception was that there have always been some members of the Russian Centre who specialised in Soviet literature, although that was partly because of the significant element of Politics associated with Soviet literature. Among these specialists Max Hayward¹² was the best known, partly because he translated Dr Zhivago, partly because he was a pioneer of the political analysis of Soviet literature.

As a member of the Russian Centre, I attended the weekly seminar that had been meeting every Monday since 1953 — and still does to this day — and it was there that I first met George. His comments and interventions, and his lectures, were memorable, as he had a rather theatrical style of delivery, which gave his topics a much more colourful and lively character than was typical. He was a University Lecturer in Soviet Institutions, but he chose to concentrate his intellectual efforts on the history of the February Revolution of 1917.

As a junior member of the College, with friends among the other students, I did not get to know either George or the other senior members of the Centre for a while, though I well remember that on the eve of my D.Phil. oral examination, George took the trouble to give me some valuable advice on how to behave. I didn't remember anything he said when I was confronted by my examiners, Professors Isaiah Berlin and Leonard Schapiro! I had interrupted a year (1960–61) as a visiting scholar at Harvard, and returned to Oxford to take the exam, which was successful, and I was appointed a Junior Research Fellow at St Antony's soon after.

¹¹ См. официальную биографию на сайте Колледжа св. Антония: URL: <http://www.sant.ox.ac.uk/russian/shukman.html> (дата обращения 9 декабря 2013 г.).

¹² *Хейворд* Макс (Hayward; 1924–1979) — британский литературовед и переводчик.

Returning to Oxford later in the year, I bought a house not far from George's and started seeing him socially. Max Hayward was a frequent visitor at George's house, and soon became one at ours, too. Max organised a big conference on Soviet literature at St Antony's in 1962, which was attended by all the leading Western scholars of the subject in England, America, France and Germany, and we gave a memorable party for them at our house.

I started writing a book on Lenin, and George started his research for his book on February 1917, so we had plenty to discuss. My family soon became friends with his family: his wife Elizabeth, and his daughters Tanya, Nina (who died young), Helen and Madeleine. In 1962 Max Hayward and I collaborated on translating Evgenii Shvarts's *Dragon* (using a text that had been given to me by Nikolai Akimov, the producer I had met in Leningrad that summer after one of the few performances of the play), and later we translated Valentin Kataev's *Holy Well* (*Svyatoi Kolodets*); and George and I collaborated on writing a short illustrated book on Lenin (*Lenin's Path to Power*, 1971).

Some time in the early 1960s, the College learnt (whether from George or Max, I don't know) that Alexander Kerensky¹³ was in difficulties writing his last book of memoirs. He was at the Hoover Institution at Stanford at the time, and someone suggested he might find the atmosphere more conducive to writing at St Antony's. He duly arrived and the Fellows of the Russian Centre were each encouraged to spend time alone with him, discussing 1917 and thus prompting him to get on with his writing. I spent several hours with him and enjoyed our conversations, but George was his main interlocutor and on several occasions they each expressed profound differences of interpretation, which left George with a poor opinion of Kerensky, no doubt reciprocated by Alexander Fedorovich.

Among other notable visitors (all writers) to the Russian Centre were Fedin and Tvardovsky — Tvardovsky showed us how to open a bottle of vodka without using a corkscrew — Aksyonov and Tendryakov, Evtushenko, Voznesensky. We were invited to meet Anna Akhmatova when she came to Oxford to receive her honorary degree in 1965.

George had long suffered from chest infections, especially in the winter, and the Oxford climate made the problem worse. For many years, while the children were young, he would take the family to the Scilly Isles where they would walk along the shore and the cliffs to breathe the sea-air. After Max Hayward built his small house on the Greek island of Spetsae, George would take Elizabeth there in the winter to enjoy the warm climate. In January 1974, my wife and I were on holiday in Greece and drove to Spetsae where we spent time with George and Elizabeth, walking over the entire island and enjoying George's excellent cooking. After his retirement in 1975, and especially after his wife's death in 1980, George's health declined further, and he decided to sell the house in Oxford and move to his daughter Helen's house in Greenwich, London, where my wife and I visited him several times. A more important visitor was Alexander Solzhenitsyn, who went to see George on the occasion of his visit to England in 1983. This was the only personal visit made by Solzhenitsyn during his time in England»¹⁴.

¹³ Керенский Александр Федорович (1881–1970) — министр-председатель Временного правительства (1917).

¹⁴ Известный русским как Георгий Михайлович и англичанам как доктор Катков или Джордж, Георгий Михайлович был уже важной фигурой, когда я поступил аспирантом в Колледж св. Антония в Оксфорде в 1958 г. Этот колледж — один из четырех колледжей Оксфордского университета только для аспирантов и занимается в основном региональными исследованиями — африкан-

На память об этой встрече историка и великого писателя была сделана их совместная фотография, многие годы хранящаяся в архиве семьи Катковых и никог-

скими, китайскими, индийскими, международными отношениями, японскими, латиноамериканскими, ближневосточными, российскими, специализируясь на истории, политике и экономике; здесь нет в расписании точных наук или искусствознания. Исключением были несколько членов Русского центра, которые специализировались на изучении советской литературы, поскольку она была частично связана с важными политическими проблемами. Среди этих специалистов самым известным был Макс Хейворд, отчасти потому, что он перевел «Доктора Живаго», отчасти потому, что он был пионером политического анализа советской литературы.

Как член Русского центра, я посещал еженедельный семинар, который с 1953 г. и по сей день собирается по понедельникам, и именно там я впервые встретился с Джорджем. Его комментарии, замечания и лекции были незабываемы, так как он обладал истинным артистизмом, придававшим его выступлениям более красочности и живости, чем это было принято обычно. Он был лектор университета по истории советских институций, но предпочитал сосредоточить свои интеллектуальные усилия на изучении истории Февральской революции 1917 года.

Как младший член Колледжа, друживший с другими аспирантами, я не мог знать ни Джорджа, ни других старших членов Центра в течение некоторого времени, хотя хорошо помню, что накануне моих устных экзаменов на докторскую степень Джордж взял на себя труд дать мне несколько ценных советов о том, как себя вести. Выступая перед такими экзаменаторами, как профессор Исая Берлин и профессор Леонард Шапиро, я, конечно, ничего не помнил из того, что он говорил! Мую учебу в Оксфорде прервал год (1960–1961), проведенный в качестве приглашенного ученого в Гарварде, и, вернувшись в Оксфорд для сдачи экзамена, что прошло успешно, я вскоре был назначен младшим научным сотрудником Колледжа св. Антония. Вернувшись в Оксфорд в конце этого года, я купил дом недалеко от дома Джорджа и начал с ним общаться. Макс Хейворд, который был частым гостем в доме Джорджа, вскоре стал и нашим гостем также. Он организовал большую конференцию по истории советской литературы в Колледже св. Антония в 1962 г., в которой приняли участие все ведущие специалисты по этой проблеме из Англии, Америки, Франции и Германии, и мы устроили памятную вечеринку для них в нашем доме.

Когда я приступил к написанию книги о Ленине, а Джордж начал свои исследования по истории Февральской революции 1917 года, у нас было много общих тем для обсуждения. Вскоре моя семья подружилась с его семьей — женой Элизабет и дочерьми — Таней, Ниной (которая умерла молодой), Еленой и Маделейн. В 1962 г. Макс Хейворд и я сотрудничали в переводе пьесы «Дракон» Евгения Шварца (используя текст, переданный мне Николаем Акимовым, театральным режиссером, с которым я встретился в Ленинграде в то лето после одного из первых представлений пьесы), а позже мы перевели «Святой колодец» Валентина Катаева. Джордж и я сотрудничали также в написании небольшой иллюстрированной книги о Ленине (*Lenin's Path to Power*, 1971).

В начале 1960-х годов Колледж узнал (возможно, от Джорджа или Макса), что Александр Керенский испытывал большие трудности при написании своей последней книги мемуаров. В это время он работал в Гуверовском институте в Стэнфорде, и кто-то предположил, что творческая атмосфера Колледжа св. Антония могла бы весьма содействовать Керенскому в его работе. И он действительно приехал в Оксфорд, и каждый член Русского центра мог провести с ним немало времени наедине, обсуждая события 1917 года и таким образом стимулируя написание мемуаров. Я провел с Керенским несколько часов и наслаждался нашими беседами, но Джордж был его главным партнером, и несколько раз они высказывали глубокие разногласия в интерпретации событий и фактов, что оставило Джорджа с плохим мнением о Керенском, без сомнения, отвечавшего ему взаимностью.

Среди других известных гостей (писателей) Русского центра были Федин и Твардовский — последний показал нам, как открыть бутылку водки без использования штопора, — Аксенов и Тендряков, Евтушенко, Вознесенский. Мы были приглашены на встречу с Анной Ахматовой, когда она приехала в Оксфорд для получения почетной степени в 1965 году.

Многие годы Джордж страдал от болезни легких, особенно в зимнее время, а климат Оксфорда усугублял эту проблему. На протяжении многих лет, пока дети были маленькими, он возил свою семью на острова Силли, где они гуляли среди скал по берегу океана и дышали морским воздухом. После того как Макс Хейворд построил свой маленький домик на греческом острове Спетса, Джордж возил туда Элизабет зимой наслаждаться теплым климатом. В январе 1974 года моя жена и я были в отпуске в Греции и поехали на Спетса, где провели время вместе с Джорджем и Элизабет, гуляя по остро-

*Захоронение Г.М. и Е. Катковых на кладбище Хэдингтон в Оксфорде.
Фото Ю. и К. Смедегард*

да не публиковавшаяся. После нашей встречи в Оксфорде, по-видимому, в знак появившегося доверия Таня Джойс сделала нам дорогой подарок — несколько фотографий ее отца, в том числе с Александром Солженицыным, которые и публикуются в настоящем издании впервые.

Интересно, что в семье Солженицыных не знали об этом снимке, и по нашей просьбе в январе 2014 г. его прокомментировала Наталия Дмитриевна Солженицына¹⁵: «Встречу с Г.М. помню очень ярко, хотя она и была больше тридцати лет назад. Мы посетили Георгия Михайловича в Лондоне 17 мая 1983 года. Ему было 80 лет, и он уже не преподавал в Оксфорде, жил у замужней дочери в Лондоне. К этому времени мы уже организовали перевод его “Февральской революции” (Russia 1917: The February Revolution, 1967), бывшей настольной книгой для нескольких поколений западных студентов и аспирантов, изучающих историю России, и собирались в скором времени ее опубликовать в издательстве “ИМКА-Пресс”».

ву и наслаждаясь кулинарным искусством Джорджа. После отставки в 1975 году и особенно после смерти его жены в 1980 году здоровье Джорджа стало серьезно ухудшаться, и он решил продать свой дом в Оксфорде и переехать к своей дочери Хелен в ее дом в Гринвиче (Лондон), где моя жена и я бывали у него несколько раз. Значительно более важным посетителем Джорджа был Александр Солженицын, который приехал к Каткову во время его визита в Англию в 1983 году. Это был единственный личный визит Солженицына во время его пребывания в Англии». (Перевод М.Ю. Сорокиной.)

¹⁵ Приносим глубокую благодарность Н.Д. Солженицыной за отклик на нашу просьбу.

Об этой встрече Александр Исаевич упомянул в книге «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» (Ч. 3, гл. 9): «Ещё одна дорогая судьба, не послужившая России в полную силу, увядающая в эмиграции. Обаятельный, душевный человек, такой тёплый голос. Много болезней, и правая рука потеряла силу писать, а по видимости — он держится, вот сидит на стуле, и разум совершенно ясный. Вот дарит мне свою книгу по-английски о корниловских днях, успел написать и её. И так точны его слова о Семнадцатом годе. (Мы с ним почти сплошь совпадаем в оценках, и о Керенском увильчатом: не способный ясно ответить на вопросы Каткова о корниловских днях, тем более уклонялся оставить чёткую запись тех событий.) А вот — его начатые мемуары, и тоже по-английски, и нет сил докончить. Уговариваемся, что найдём ему русскую машинистку, и он будет диктовать ей русский вариант этих мемуаров. Вариант, не перевод! Может быть — успеет дать и русскую версию корниловской книги? А его “Февральскую революцию” мы думаем в этом году издать в ИНРИ в обратном переводе с английского, если он не задержит редактурой. (Как это, наверно, обидно: видеть свою книгу, переведенную на родной язык кем-то другим.)»

Через полтора года после встречи с А.И. Солженицыным, 20 января 1985 г., Георгий Михайлович Каткова не стало. Место его последнего упокоения находится в самом центре кладбища Хэдингтон (Headington) в Оксфорде, неподалеку от могилы отца, Михаила Мефодьевича Каткова. Надгробный памятник соединил в себе православный и католический кресты с именами «GEORGE KATKOV (1903–1985)» и «ELIZABETH KATKOV (1910–1980)»¹⁶. Причем по-русски имя Георгия Михайловича написано по старой орфографии. Панихиду на его похоронах служил отец Георгий Гиббс (Gibbes, 1906–1993), чей приемный отец, архимандрит Николай, в миру Чарльз Сидней Гиббс (1876–1963), в молодости был наставником английского языка у детей последнего российского императора Николая II, а в 1934 г. принял православие и основал сначала в Лондоне, а затем в Оксфорде православный приход св. Николая Чудотворца. Насыщенная яркими людьми и драматическими событиями история обширной русской колонии в Оксфорде еще ждет своих исследователей.

*Захоронение М.М. Каткова
на кладбище Хэдингтон в Оксфорде.
Фото Ю. и К. Смедегаард*

¹⁶ Наша самая искренняя признательность Юлии и Келду Смедегаард за активное содействие в поиске захоронения Г.М. Каткова и знакомстве с профессором Г. Шукманом и Т. Джойс.